

Р. Штаммлер

**Теоретические основы
анархизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р. Штаммлер**
Теоретические основы анархизма / Р. Штаммлер – М.: Книга по Требованию,
2021. – 68 с.

ISBN 978-5-458-25739-8

В книге раскрываются научное значение и основные положения теории анархизма и исследуются правовые нормы и правила.

ISBN 978-5-458-25739-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Умножающіяся убійства и преступныя покушенія, исходящія въ послѣднее время со стороны анархистовъ, должны были вызвать въ широкихъ кругахъ общества представленіе, что въ анархизмѣ мы имѣемъ дѣло только съ бандой полусумасшедшихъ и озвѣрѣлыхъ фанатиковъ. Совершенно забыто—или, быть можетъ, никогда и не было хорошо извѣстно,—что существуетъ теорія анархизма, долженствующая играть въ общественной философіи въ высшей степени важную роль,—теорія, которая не столько прилагается современными анархистами на достойной проклятія практикѣ, сколько проповѣдуется въ искаженномъ и нелѣпомъ видѣ; которая, однако, въ своемъ чистомъ видѣ, какъ своеобразная философія общественной жизни, никогда не можетъ быть игнорируема соціальной наукой, и которая, наконецъ, до сихъ поръ не была опровергнута ею научно.

Если мы, въ противоположность этому, въ дальнѣйшемъ хотимъ изобразить и опровергнуть теорію анархизма, то было бы желательно устранить сперва нѣкоторыя распространенныя недоразумѣнія, которыя мѣшаютъ безпристрастному обсужденію вопроса.

Сюда прежде всего относится смѣшеніе анархистской доктрины съ соціализмомъ.

Одна изъ распространенныхъ ошибокъ нашего времени это та, что анархизмъ является якобы особымъ развитымъ видомъ соціализма. Полагаютъ, что нѣкоторое различіе су-

ществуетъ, можетъ быть, въ степени фанатическаго возбужденія, въ желательномъ темпѣ движенія, или пожалуй въ средствахъ, долженствующихъ быть примѣненными; но въ дѣйствительности оба направленія сводятся къ одному и тому же.

Этотъ взглядъ, однако, неправиленъ въ корнѣ и не подлежитъ даже обсужденію.

И тотъ, кто въ обоихъ названныхъ направленіяхъ, одинаково враждебно возстающихъ во всѣхъ культурныхъ странахъ западно-европейской цивилизаціи противъ унаслѣдованнаго общественнаго строя, увидитъ только пагубныя болѣзни, выскажетъ съ описаннымъ уже незнаніемъ дѣла столь же наивное мнѣніе, какъ если бы сказалъ: «холера и воспаленіе мозга одинаково — смертельное зло; а потому онѣ и должны быть объяснены однѣми и тѣми же причинами».

Соціализмъ, какъ извѣстно, охватываетъ собою всѣ тѣ политическія направленія, цѣль которыхъ заключается въ планомѣрной правовой организаціи хозяйственнаго производства путемъ обобществленія (перехода въ общественную собственность) орудій производства.

Въ то время какъ теперь производство необходимыхъ для жизни, полезныхъ и пріятныхъ благъ предоставлено внутри человѣческаго общества единичнымъ предпринимателямъ, которые безъ всякихъ ограниченій съ помощью наемныхъ рабочихъ производятъ и выбрасываютъ на рынокъ то, что имъ заблагоразсудится; въ то время какъ теперь господствуетъ, по мѣткому выраженію социалистовъ, «анархическій» способъ производства; по основнымъ принципамъ социалистическаго правопорядка хозяйственною жизнью управляло бы планомѣрно расчитаннымъ способомъ организованное для этой цѣли общество, а производство хозяйственныхъ благъ велось бы въ большихъ

центральныхъ пунктахъ. При этомъ средства производства: земля, фабрики, машины, ремесленные и земледѣльческія орудія и т. д., не могли бы, конечно, оставаться въ исключительномъ владѣніи производителя, но должны бы были быть обращены въ собственность правового общества, какъ это въ настоящее время имѣетъ мѣсто съ *res publicae*: улицами, дорогами, площадями, мостами и т. д. Частная собственность существовала бы только на предметы потребления, но была бы по закону воспрещена на орудія производства.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе обоснованія этого социалистическаго постулата, въ особенности же касаться слишкомъ мало продуманнаго материалистическаго пониманія исторіи; я заговорилъ обо всемъ этомъ только для того, чтобы представить сказанное въ противоположность анархизму и уяснить этотъ контрастъ. Здѣсь надо замѣтить, что социализмъ, согласно только что сказанному, возстаетъ противъ *содержанія* существующаго права и прежде всего противъ исторически сложившагося права частной собственности на средства производства; что онъ стремится и способствуетъ такому развитію, которое, хотя и указываетъ правовому порядку въ его постановленіяхъ другое направленіе, должно однако не только сохранить юридическое принужденіе, но по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ вынуждено значительно усилить его въ нѣкоторые переходные моменты, и во многихъ отношеніяхъ и укрѣпить.

Совершенно иначе—анархизмъ. Онъ возстаетъ вообще противъ *существованія правового принужденія*. Онъ противъ теперешняго социальнаго строя не потому, что правовыя нормы въ своихъ предписаніяхъ не достигаютъ цѣли, что онѣ не подходящи, устарѣлы; не потому, что онѣ отстали отъ хозяйственнаго развитія, которому онѣ служили тор- мозомъ, а не поддержкой; но онъ возстаетъ противъ су-

шествующаго въ его основахъ по той причинѣ, что имѣть передъ собой вообще *принудительную организацію*.

Какое бы ни было принужденіе, производится ли оно однимъ человѣкомъ по отношенію къ другому или многими по отношенію другъ къ другу, есть ли это такъ называемое юридическое принужденіе—безразлично—все это является согласно разбираемому здѣсь ученію несправедливостью, и, какъ таковое, никогда не можетъ быть обосновано. Право и правосудіе суть не что иное, какъ выдумки; это—все иллюзіи, ибо всякое такъ называемое правовое предписаніе можетъ быть только грубой силой человѣка, располагающаго ею въ данный моментъ.

Какую же картину, спрашиваетъ анархистъ, представляетъ съ общей точки зрѣнія вашъ правопорядокъ? Вѣдь все дѣло въ томъ, что одинъ человѣкъ (количество здѣсь безразлично) говоритъ другому повелительнымъ тономъ: веди себя такъ, а не иначе, а не то я буду принуждать тебя къ этому и тебѣ будетъ плохо. Начиная съ мельчайшихъ полицейскихъ распоряженій и кончая важнѣйшимъ закономъ, юридическая сила котораго распространяется до самыхъ границъ государства, а въ такъ называемомъ международномъ правѣ даже переходитъ ихъ,—всюду мы видимъ принудительныя предписанія, издаваемые людьми для людей же. Какъ понять это? На чемъ это основывается?—такъ гласить вопросъ анархиста. Этого нельзя понять, это ни на чемъ не основывается,—отвѣчаетъ онъ самъ. Это—дерзкое насиліе, когда стараются принудить меня къ чему-нибудь противъ моей собственной воли; это находится въ непримиримомъ противорѣчьи съ моей естественной свободой—тѣмъ болѣе, что человѣкъ рождается въ этой принудительной организаціи, что онъ долженъ безъ опроса, помимо своей воли вступить въ нее и пребывать въ ней до тѣхъ поръ, пока въ послѣдствіи съ ни на

чемъ не основаннаго позволенія третьихъ лицъ ему можно будетъ изъ нея выступить.

Но, возражать, вѣдь иначе все перевернется вверхъ дномъ? Не стремятся ли такимъ образомъ анархисты къ полному беспорядку, въ которомъ люди, наподобіе дикихъ звѣрей враждуютъ и истребляютъ другъ друга, рыскали бы по землѣ.

Мнѣніе, выраженное въ формѣ такихъ вопросовъ, ничуть не опровергаетъ теорію анархизма. Ибо анархизмъ никоимъ образомъ нельзя смѣшивать съ состояніемъ *анархіи*. При послѣдней прямо предполагается существованіе извѣстнаго государственнаго строя и опредѣленнаго правопорядка, которые, однако, безсильны проявить себя на дѣлѣ и осуществить свои предначертанія. Такое печальное состояніе общества, легко создаваемое всякой междоусобной войной (напримѣръ, анархія кулачнаго права въ продолженіе почти всего средневѣковья), является, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ насиліемъ и господствомъ дикой грубости, имѣющей мѣсто именно при существованіи права, и несмотря на наличность юридическаго принужденія, подобное состояніе анархіи не имѣетъ ничего общаго съ желаніемъ и требованіемъ социальной организациі безъ примѣненія правопорядка и государственнаго воздѣйствія.

Теорія анархизма требуетъ порядка для человѣческаго бытія и стремится къ гармоніи общественнаго бытія; но порядокъ долженъ исходить не со стороны государства, и юридическаго принужденія не должно быть вовсе.

Какъ же представить себѣ все это въ положительномъ видѣ? Существуетъ ли, помимо *юридической*, какая-либо иная возможность *упорядочивающей* организациі человѣческаго общества?

Теорія анархизма не всегда одинаково отвѣчаетъ на эти вопросы. Можно, напротивъ, замѣтить въ ней два различныхъ направленія, отвѣгающія, правда, единогласно юри-

дическое принужденіе въ дѣлѣ организациі общественной жизни, но за то постулирующія два совершенно отличныхъ другъ отъ друга порядка. Онѣ связаны съ именами тѣхъ двухъ людей, къ которымъ относятся первыя положительныя построенія теоріи анархизма въ ея противоположности къ юридическому принужденію; между тѣмъ вопросъ: должно ли и какимъ образомъ должно быть обосновано принудительное право вообще?—такъ же старъ, какъ и вся исторія философіи права.

Эти авторы суть: Пьеръ Жозефъ Прудонъ (1809—1865) и Каспаръ Шмидтъ, ставшій извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Макса Штирнера (1806—1856)

II.

Едва ли найдется, помимо Прудона, другой социальный мыслитель, взгляды на достоинство и значеніе котораго въ относящейся сюда литературѣ были бы столь различны и противорѣчивы. Это различіе во мнѣніяхъ касается не только его дарованія и духовной силы, на которыхъ такъ усиленно настаиваютъ его горячіе поклонники и которыя другіе, особенно Карлъ Марксъ, совершенно отрицаютъ; но согласія не существуетъ и во взглядахъ на соотношеніе и взаимную связь его теорій.

Извѣстно, что Прудонъ въ теченіе своей писательской дѣятельности пережилъ очень замѣтное развитіе; историки литературы дѣлятъ всю его дѣятельность на три періода, изъ которыхъ первый кончается февральской революціей, а второй охватываетъ собою годы, непосредственно слѣдующіе за ней. Но въ то время какъ *Диль*, самый тщательный біографъ *Прудона*¹⁾, доходитъ до заключенія, что

¹⁾ *Диль*, Прудонъ. Его жизнь и ученіе. Т. I (1888); т. II (1890). Еще въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“; см. Прудонъ (1893).

въ ходѣ идей геніальнаго мыслителя замѣчаются многочисленныя колебанія и часто совершенно безпричинныя измѣненія взглядовъ, что одна особенность Прудона—его полная противорѣчій натура, выступаетъ наружу самымъ очевиднымъ образомъ; Мюльбергеръ ¹⁾, хороший знатокъ и большой поклонникъ *Прудона*, увѣряетъ, наоборотъ, что его ученіе, несмотря на всю духовную эволюцію автора, представляетъ собою по содержанію единое, строго послѣдовательное построеніе мысли, столь же грандіозное, какъ и логичное ¹⁾. Мюльбергеръ не можетъ отрицать того, что въ сочиненіяхъ Прудона встрѣчаются своеобразныя различія и кажущіеся противорѣчивыя взгляды; но онъ говоритъ, что съ Прудономъ нужно поступать, какъ съ Юстиніаномъ и его кодексомъ: нужно только глубже проникнуть въ основанія этихъ кажущихся антиномій, чтобы благодаря такому болѣе внимательному разсмотрѣнію увидѣть въ мнимомъ противорѣчьи примиряющее единство.

Такое положеніе дѣла является особенно затруднительнымъ по отношенію къ нашей темѣ: къ доктринѣ анархизма, впервые съ позитивной точностью конструированной Прудономъ. И здѣсь мы видимъ, что въ послѣдующіе годы своей жизни онъ возвращается къ болѣе раннимъ своимъ взглядамъ, или иногда просто высказываетъ новыя противорѣчающія мысли. Теорія анархизма относится къ его твореніямъ перваго періода. Уже въ своемъ извѣстномъ сочиненіи (*Qu'est ce que la propriété? 1-iere mémoire. Recherches sur le principe du droit et du gouvernement*) (1840) ²⁾, въ которомъ находилась столь часто оспариваемая формула: «*la propriété c'est le vol*» ³⁾, авторъ признаетъ себя анар-

¹⁾ *Мюльбергеръ*. Мысли о Прудонѣ (1891).

²⁾ „Что такое собственность?“ I. Исслѣдованія о принципѣ права и управленія.

„Собственность есть кража“.

хистомъ; затѣмъ въ обоихъ произведеніяхъ: «Les confessions d'un revolutionnaire» (1849) ¹⁾ и въ «Idée générale de la revolution au XIX-siècle» (1851) ²⁾ онъ развиваетъ подробно свою теорію анархизма. Но во второй періодъ своей литературной дѣятельности онъ выпускаетъ въ свѣтъ книгу: «Du principe fédératif» (1852) ³⁾, въ которой онъ утверждаетъ, что идеаль анархизма никогда не можетъ быть осуществленъ и что правильной соціальной организаціей является федерализмъ. Подъ послѣднимъ онъ понимаетъ широкую децентрализацію и организацію небольшихъ политическихъ группъ, которыя могутъ быть посредствомъ юридическаго федеральнаго договора объединены исключительно контролирующей, установленной только съ согласія всѣхъ федеральныхъ правительствъ дѣятельностью.

Итакъ, идеаломъ является попрежнему анархизмъ, но остается неяснымъ, въ какой логической связи находится съ нимъ федерализмъ? *Мюльбергеръ*, можетъ быть, правъ и здѣсь, замѣчая вообще, что къ этому писателю нельзя подойти съ тѣми предпосылками, съ которыми мы, нѣмцы, обыкновенно подходимъ къ произведеніямъ нѣмецкихъ мыслителей. «*Прудонъ* всегда жизнененъ; онъ всегда тѣсно соприкасается съ живой дѣйствительностью; онъ всегда связанъ съ ней; онъ—всюду, гдѣ только возникаетъ проблема; онъ тотчасъ же улавливаетъ ее въ томъ освѣщеніи, какое ей придаетъ дѣйствительность; затѣмъ углубляется въ нее, высказываетъ нѣсколько въ высшей степени цѣнныхъ мыслей и закрѣпляетъ ихъ въ концѣ-концовъ въ какой-нибудь формулѣ, которая скорѣе поставитъ въ тупикъ читателя, незнакомаго съ его манерой развивать свои

¹⁾ „Признанія революціонера“.

²⁾ „Основные идеи революціи XIX в.“

³⁾ „О принципѣ федераціи“.

мысли, чѣмъ убѣдить его, скорѣе ослѣпить, чѣмъ просвѣтить».

При такомъ положеніи дѣла и принимая во вниманіе, что анархистскій образъ мыслей *Прудона* имѣлъ и имѣеть въ развитіи анархизма громадное значеніе и что одно изъ направленій теоріи анархизма постоянно основывается съ большимъ или меньшимъ правомъ на выводахъ *Прудона*, не думая о томъ, что самъ авторъ этихъ выводовъ существенно видоизмѣнилъ ихъ впослѣдствіи—я полагаю возможнымъ изложить систематически это по существу интересное ученіе.

Такимъ образомъ то, что я хочу изложить, не есть ни очеркъ всего ученія Прудона, ни вытекающая изъ всей системы его философіи отдѣльная доктрина; я вовсе не хотѣлъ бы также погружаться въ бездну споровъ о толкованіи и возможномъ объединеніи различныхъ мѣстъ, взятыхъ изъ его произведеній. Наоборотъ, мы используемъ высказанныя имъ мысли съ цѣлью систематически представить одну изъ попытокъ изслѣдованія анархистскаго соціального строя, рискуя даже нанести нѣкоторый ущербъ исторической точности, освѣщая и дополняя отъ себя неясныя и, быть можетъ, не вполне продуманные выводы. При систематическомъ разсмотрѣннн какой-либо мысли вопросъ о ея историческомъ происхожденіи совершенно безразличенъ, и полное освобожденіе ея отъ историческихъ случайностей можетъ только способствовать ея пригодности для нашей научной работы.

Такимъ образомъ тотъ рядъ мыслей, разсмотрѣннн котораго всегда будетъ цѣнно для соціального философа, является предъ нами въ слѣдующемъ видѣ.

Въ совмѣстной жизни людей обнаруживается нѣкоторый *естественный* порядокъ. Сношенія людей, производство хозяйственныхъ благъ и весь торговый оборотъ и обмѣнъ

сами по себѣ стали бы развиваться съ извѣстной, лежащей въ ихъ основѣ закономѣрностью и, если бы имъ была предоставлена абсолютная свобода и самостоятельность, они протекали бы въ естественной гармоніи. Этотъ естественный порядокъ общественнаго бытія человѣка долженъ бы былъ походить на порядокъ, господствующій въ пчелиномъ роѣ, муравейникѣ и въ столь часто приводившемъ въ изумленіе наблюдателей обществѣ бобровъ. И, какъ среди этихъ животныхъ, живущихъ въ своихъ сообществахъ лишь по неизмѣннымъ законамъ природы, царятъ порядокъ и гармонія, такъ и въ общественной жизни людей господствуетъ та же естественная закономѣрность; между обоими видами сообществъ существуетъ только одно различіе, состоящее въ томъ, что человѣкъ имѣетъ возможность научно познавать законы своей общественной жизни, въ то время, какъ животныя лишены этой возможности.

Эта закономѣрность обнаруживается въ естественной гармоніи социальныхъ отправленій; человѣческое общество подчинено ей такъ же, какъ и отдѣльный организмъ. Подобно біенію сердца и дыханію легкихъ, существуютъ и общественныя функціи, проявляющіяся въ единичныхъ актахъ торговыхъ сношеній, производства и обмѣна хозяйственныхъ благъ. Эти человѣческія сношенія, это производство всѣхъ родовъ и видовъ, этотъ постоянный обмѣнъ вещественныхъ благъ и труда, весь торговый оборотъ,—все это при всемъ своемъ взаимодействіи и взаимномъ соприкосновеніи, при всей кажущейся путаницѣ и беспорядочности подчиняется въ дѣйствительности твердой, единой закономѣрности. Надо только, думаетъ Прудонъ, искать ее и научно разбираться въ ея отдѣльныхъ проявленіяхъ.

Если такимъ образомъ естественный порядокъ человѣ-